

МАРИЭТТ
ЛИНДСТИН

СЕКТА
С ТУМАННОГО
ОСТРОВА

Москва
2020

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)
Л59

Mariette Lindstein
SEKTEN PÅ DIMÖN

Mariette Lindstein 2015, by agreement with Andrew Nurnberg
on behalf of Enberg Literary Agency AB

Cover layout design HQ 2019

Cover images © Shutterstock.com

Фото автора Adde, Halmstad

Иллюстрация на переплете *Анастасии Ивановой*

Линдстин, Мариэтт.

Л59 Секта с Туманного острова / Мариэтт Линдстин ; [перевод со шведского А. В. Савицкой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с.

ISBN 978-5-04-108435-6

Самая опасная ловушка – та, которую не видишь...

София только что окончила университет и находится на жизненном перепутье. Случайно она попадает на лекцию нового духовного лидера Швеции – Франца Освальда. Молодого, энергичного, современного – и невероятно обаятельного.

Увлеченная им и его идеями, София принимает приглашение Освальда и едет на несколько дней на Туманный остров – здесь, в этом курортном местечке, находится штаб-квартира его организации «Виа Терра». И словно попадает в рай – в колыбель нового общества с новым видением мира. Она верит, что здесь будет востребована, как нигде более. И остается.

Но Освальд уже решил, что София останется здесь навсегда. Потому что так хочет он...

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

© Савицкая А.В., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-108435-6

Предисловие

Что же такое секта?

Если задать этот вопрос людям, то окажется, что большинство из них имеют определенное представление о ней. Все «знают», что такое секта, и даже могут привести несколько примеров. Они также обычно высказывают суждения относительно того, люди какого типа вступают в секты, и, естественно, убеждены в том, что сами никогда туда не попадут.

Проблема заключается в том, что они заблуждаются.

Отчасти в этом можно винить СМИ, которые, как правило, сосредотачивают свое внимание лишь на странных проявлениях и экстремальных примерах. В результате ошибочного представления, часто распространяемого СМИ, люди на самом деле не учатся распознавать секты.

Один из способов — скептически относиться к странным идеям, но большинству это свойственно от природы, и учиться тут нечему. Кроме того, секту отличает не странность, хотя у многих подобных образований присутствует то, что можно считать таковым. Нет, попасть вы рискуете не в секту со странными идеями, а в сообщество, состоящее из исключительно приятных людей и имеющее близкую вашим собственным взглядам идеологию. Ни одна идеология также не защищена от фундаментализма. Фундаментализм и сектантство мы находим повсюду.

Обычно говорят, что любовь слепа. Вступление в секту во многом сходно с влюбленностью. Разница между

нормальной влюбленностью и вступлением в секту заключается в том, что во время фазы ослепления на вас воздействуют, чтобы с помощью манипуляций заставить отказаться от свободы действий. Это можно сравнить с любовными отношениями, в которых присутствуют истязания. У всех сект есть для этого свои методы, но в конечном счете речь всегда идет о том, что вы, будучи членом секты, должны отказаться от свободы действий в пользу некоей высшей власти или учения.

Процесс этот происходит постепенно, и вы закрываете на него глаза, поскольку влюблены, но для вашего окружения он обычно становится очевиден довольно быстро. Это называется развитием личности сектанта, и данный процесс может идти стремительно. Когда вы уже угодили в такое положение, вас легко заставить делать в принципе все, что диктует учение или лидер секты: скажем, спровоцировать девушек на проституцию с целью добывания для группы денег, или заставить группу совершить коллективное самоубийство, или принудить членов секты вносить в организацию как можно больше денег.

Следовательно, отличительным признаком секты является не учение, а манипулятивные методы, применяющиеся, чтобы заставить людей отказаться от свободы действий, чтобы привязать их к группе и не давать им покидать ее. Выйти из секты бывает трудно именно потому, что человек отказался от свободы действий. Большинство в конце концов покидают группу, но это может потребовать массу времени; кроме того, многие бывшие сектанты свидетельствуют о психическом и физическом принуждении и демонстрируют психические проблемы, отсутствовавшие у них до вступления в секту.

Будучи дипломированным психологом, я употребляю часть своего времени на помощь людям, покинувшим секты, и стараюсь распространять знания о данной проблеме среди широкой общественности. Поэтому с радо-

стью хочу рекомендовать этот роман. Он не только по-настоящему захватывает — это книга, которую следует прочесть, если хочешь получить углубленное понимание того, как людей втягивают в секты. Не думайте, что вы обладаете иммунитетом, — это может случиться с кем угодно и когда угодно. Особенно когда вы меньше всего это подозреваете.

*Хокан Йерво,
дипломированный психолог,
автор книги «Больные после сект»*

Пролог

Она долго лежала в темноте. Следила за временем по дыханию. Один вдох занимает три секунды. Выдох — еще три. Секунды складываются в минуты. Скоро час. Тогда будет пора.

Тьма крошечная. Не видно ни теней, ни контуров или цифр радио с электронными часами. Лежа она чувствует себя невесомой, будто парит. Но подсчеты не дают ей заснуть, хотя сейчас она настолько напряжена, что ей все равно не до сна. В голове крутится сомнение. Боязнь неудачи заставляет нервы дребезжать, точно расстроенную скрипку. Все мысли словно затуманены страхом. Лучше просто дышать, ни о чем не думая; просто лежать, пока не настанет время.

По окну что-то слабо постукивает, потом начинает упорно барабанить. Дождь, несмотря на все прогнозы. Она проклинает метеослужбу, думая о том, как трудно будет бежать через лес.

Ну вот, пора. Она осторожно выскользывает из-под одеяла и встает на полу на колени. Шарит руками под кроватью. Нащупывает рюкзак, содержащий все необходимое и вместе с тем почти ничего. Здесь же кроссовки — такие, что достаточно просто всунуть в них ноги; времени на завязывание шнурков нет. Она аккуратно натягивает обернутую вокруг рюкзака куртку, влезает в кроссовки. Мелкими, осторожными, неслышными шагами идет по полу. Тело кажется нереальным — и очень медлительным.

С одной из кроватей доносится бормотание, и она замирает. Кто-то переворачивается так, что кровать скрипит. Она выжидает, пока в комнате опять будет слышаться лишь

глубокое дыхание. Делает последние шаги. Нащупывает ручку двери. Когда дверь открывается, из коридора проникает дуновение прохладного воздуха. Ночное освещение окрашивает белые стены коридора в бледно-желтый цвет. Кажется, будто она скользит по коридору. Открывает тяжелую металлическую дверь на лестницу, ведущую в подвал, где находится главный рубильник. Сейчас — самое важное: удача либо провал. У нее будет десять, возможно, пятнадцать минут. Потом они заметят ее отсутствие. Здешние порядки ей слишком хорошо известны. Когда пройдет первая растерянность, все соберутся и пересчитают персонал. Затем начнется охота на человека.

Я не боюсь, я не боюсь...

Она повторяет эти слова про себя, словно заклинание. Делает два глубоких вдоха. Еще можно передумать. Повернуть обратно. Забраться в теплую постель. Правда, если не сбежать сейчас, то она уже никогда не решится... Эта мысль настолько невыносима, что придает ей мужества.

Когда она опускает рукоятку рубильника, раздается щелчок, треск, и становится настолько темно, что у нее захватывает дух. Покачнувшись в черной пустоте, она хватается за стенку, ощупью добирается до аварийного выхода и открывает дверь. В лицо ей ударяет холодный, влажный воздух. Дождь, висящий завесой над двором, уже затопил и размочил газон, который жадно смыкается вокруг ее ноги.

В траве хлюпает, когда она бежит, теперь полностью предоставленная воле случая. Если не повезет, кто-нибудь увидит ее из окон усадьбы. Однако ничего не происходит. Слышно только, как барабанит по крышам дождь, выплевывается из сточных желобов вода и стучат ее шаги.

Садовая стремянка стоит прислоненной к стене. Слава богу!

Перебраться надо быстро, поскольку скоро включится резервный генератор, двор зальет светом, и колючая проволока наверху стены будет бить током.

Она взбирается по стремянке, осторожно нащупывает опору между острыми колючками ограждения и встает на скользкую стену.

Об этом мгновении она долго мечтала. Мечтала и страшилась его. Там, внизу, по другую сторону, обратного пути уже не будет. В сознании мелькает ликование, вновь сменяющееся страхом.

Она бросает вниз рюкзак и, оттолкнувшись изо всех сил, прыгает. Через колючую проволоку, прочь от опасности за спиной, в темноту. При приземлении в одной ступне у нее что-то хрустит. Она проводит по ноге рукой, уговаривая боль перестать. Ищет глазами начало тропинки. Находит. Как безумная мчится вперед. Иногда проскакивает поворот и почти влетает в кустарник, но каждый раз возвращается на тропинку. Теперь она высоко парит на волне адреналина. Вперед. Только вперед.

Я не боюсь, я не боюсь...

Она старается различать препятствия на земле. Перепрыгивает через извилистые корни, пересекающие тропинку. Сердце колотится, в груди все горит. Сзади, из усадьбы, доносится вой сирены. В листве отражается блуждающий свет поисковых огней. Сейчас на какое-то время воцарится сумятица. Потом в погоню за ней бросят все силы.

Одежда отяжелела от воды, рюкзак врезается в плечи. Наконец между деревьями мелькает свет. Укрытие уже близко. Очень близко.

Она замедляет шаг. Останавливается. Ищет взглядом конец тропинки. В лесу слышится треск.

Сердце подкатывает к горлу. Мышцы сковывает паника. Из-за деревьев появляется Он и останавливается чуть впереди нее. У нее нет никаких шансов, бежать некуда. По обеим сторонам тропинки местность вязкая и труднопроходимая.

Разочарование безмерно. В груди все сжимается в большой, твердый узел.

Этого просто не может быть, но тем не менее это произошло: Он там стоит.

Где-то лает собака. Воет сирена.

Последнее, о чем она думает, — голос. Он вызывает у нее одно полузабытое воспоминание.

Тебе никогда отсюда не выбраться. Просто чтобы ты знала.

В висках стучит кровь.
Из-под век обрушивается дождь мелькающих искр.
Потом волной накатывает головокружение и все вокруг
чернеет.

* * *

Я даю шмелю немного полетать в маленьком аквариуме. Шмель пытается выбраться наружу, сердито жужжит, но лишь ударяется о стенки.

Потом, ненадолго сдавшись, он неподвижно сидит на лежащем на дне аквариума куске линолеума.

Я поднимаю стеклянную крышку, неспешно и осторожно. Затаив дыхание, медленно опускаю в аквариум руку с булавкой. Всего через миллисекунду шмель накрепко приколот к линолеуму. Он яростно жужжит, вертится вокруг булавки в безумном, но бессмысленном танце. Крыльшки исступленно работают, но с места ему не сдвинуться. Тут я вынимаю линолеум из аквариума, кладу перед собой и достаю пинцет.

Лили смотрит на меня, открыв рот. Проводит языком по нижней губе. Я ищу что-нибудь в ее глазах: страх или отвращение, — но там присутствует лишь колоссальная глубина, темная пропасть, которая манит и затягивает меня.

Однако же сначала шмель.

Сперва я отрываю крыльшки, потом ножки. Не тороплюсь. Раскладываю их по столу перед ней. Глупый шмель по-прежнему жужжит, вертится вокруг булавки, теперь уже одним туловищем, будто у него есть шанс...

— Зачем ты это делаешь? — спрашивает Лили.

— Меня это развлекает, — отвечаю я.

— Что именно? Вид его мучений?

— Нет, твое лицо, когда ты на это смотришь.

Когда я замечаю, что она слабо дрожит, у меня почти перехватывает дыхание.

Вот так все начинается. С маленького шмеля.

1

Небольшой паром накренился на темной водной зыби. Они уже были почти у цели, но разглядеть остров не удалось — утренний туман накрывал море, словно толстым одеялом. Горизонт отсутствовал.

Когда суша на другом берегу скрылась в тумане, София испытала облегчение. Расстояние до Эллиса увеличилось. Уехать от него, пусть и ненадолго, было приятно.

В ее отношениях с Эллисом всегда присутствовало нечто суматошное и дикое — интенсивность, которая могла закончиться только катастрофой. Его жуткий нрав должен был бы насторожить ее, но поначалу ей казалось, что это лишь делает Эллиса привлекательным. Они ссорились буквально по любому поводу, и в конце концов он опозорил ее в Интернете. София настолько расстроилась, что чуть не провалила последний экзамен в университете. Справилась с грехом пополам. Как раз посреди этой катастрофы в ее почте появилось приглашение на лекцию Франца Освальда. Из-за этой лекции она сейчас и сидела на пароме, направляясь к незнакомому острову далеко в шхерах.

Вильма, лучшая подруга Софии, тоже сидела, вглядываясь в туман. Между ними чувствовалось небольшое напряжение. Легкое волнение в преддверии ожидающего их на острове.

* * *

Когда пришло приглашение на лекцию, София уже целое утро просидела за компьютером, «гугля» такие слова, как «перспективы на будущее» и «выбор карьеры», — и в итоге поняла, что это вовсе не помогает ей решить, как

распорядиться своей жизнью. Прочитав мейл, она сначала пожалела о том, что тот не попал в спам.

Там значилось: «Лекция Франца Освальда о “Виа Терра”¹. Для тех, кто хочет научиться проходить путь земной».

Как, черт возьми, это делается? Ей показалось, что это звучит странно, но о Франце Освальде она уже слышала. О нем ходили слухи в университете. Он возник из ниоткуда, читая лекции про свое учение о правильной жизни, которое именовал «Виа Терра». Девчонки в основном болтали о том, что Освальд красив и в нем есть что-то мистическое.

София прочитала мейл снова. Убедилась в том, что «вход свободный». Подумала, что ей не повредит послушать, что может сказать этот Освальд. Послала эсэмэску Вильме, уговорить которую было совсем не трудно. Они теперь почти всё делали вместе.

На лекцию пришли поздно и уселись в первом ряду переполненного зала. Через всю сцену висел написанный крупными зелеными буквами плакат «“Виа Терра”: мы идем путем земным!». В остальном стены были голыми, зал казался стерильным и сильно пах моющими средствами.

По залу пробежал удивленный гул, когда на сцену вышел Освальд с тачкой, до краев заполненной чем-то белым. Мукой или сахаром. София не могла рассмотреть, что это, поскольку свет был направлен на подиум и значительно слабее освещал место, где находился Освальд. Сидевшая рядом с ней женщина застонала. Кто-то позади нее прошептал: «Что это, скажите на милость?»

Освальд отставил тачку, немного постоял на месте, а потом вышел вперед и занял подиум.

— Сахар, — произнес он. — Столько средняя семья поглощает за три месяца.

Внезапно София пожалела о том, что пришла сюда; ей захотелось встать и уйти. Желание было настолько сильным, что по ногам пробежала дрожь. Она подумала, что на

¹ «По земле» (*лат.*). — Здесь и далее прим. пер.

самом деле ей следовало бы искать работу, а не слушать лекцию, и что Освальд ее нервирует.

Высокий, хорошо сложенный, поверх черной футболки надет серый пиджак. Темные волосы зачесаны назад и собраны в хвост. Загар наверняка искусственный, но ему идет. Он нес ауру аккуратности и изысканности, но в то же время излучал нечто примитивное, почти животное. Однако что заставляло воздух трепетать от нетерпеливого ожидания — это, прежде всего, его бросающаяся в глаза авторитетность.

Он немного постоял молча. По залу распространилась более спокойная эмоция — предвкушение. Тут он заговорил в головокружительном темпе, лишь возраставшем по ходу лекции. Слова выпаливались, как из пулемета. В «пауэрпойнтовской» презентации Освальд демонстрировал различные изображения мозга, нервной системы, легких и тучных тел, павших жертвами ядов и стресса.

София начала понимать, что он проповедует, — некую философию из серии «Назад к Матушке-Земле», где корнем любого зла является все искусственное.

— Сейчас сделаем перерыв, — внезапно сказал Освальд. — Потом я расскажу вам о решении проблемы.

Вторая часть его выступления была спокойной и сдержанной. Теперь он говорил о необходимости спать в полной темноте, пить чистую воду и есть экологически чистые продукты. Ничего нового или сенсационного. Тем не менее в его устах это звучало как нечто новаторское.

— У нас есть также духовная часть программы, — проговорил Освальд. — Но это не то, что вы думаете, поэтому слушайте внимательно.

Он сделал паузу, и Софии показалось, что Освальд смотрит прямо на нее, отчего она заерзала на стуле. Продолжая, он не спускал с нее глаз.

— Вам надоело слушать о том, что необходимо физическое присутствие, что нужно жить настоящим? Нам надо прекратить слушать всех этих религиозных отшельников, проповедующих, что смысл есть только в настоящем. Прекратить покупать их книги и курсы, рассчитанные на

то, чтобы научить нас сидеть, глазеть и глубоко дышать. В «Виа Терра» мы не отрицаем прошлого. Мы черпаем из него силу.

Рука Софии непроизвольно взметнулась вверх.

— Но как вы это делаете?

— Как твое имя? — Освальд сдержанно улыбнулся.

— София.

— Хорошо, что ты спросила, София. Ответы присутствуют в наших тезисах. Телом занимается физическая программа, а для душевного развития существуют тезисы. В нескольких словах: ты учишься черпать силу из всего, что произошло в твоей жизни. Даже из плохих воспоминаний.

— Но как?

— Это становится понятным по мере чтения тезисов. И связано с интуицией. Когда человек прекращает отрицать прошлое, исчезает множество комплексов. Его возможности высвобождаются, и он волен вновь полагаться на свою интуицию.

— А можно прочесть ваши тезисы?

— Конечно, но необходимо пройти всю программу. У нас есть центр на Западном Туманном острове, неподалеку от побережья Бухуслена¹; пристанище, где мы помогаем нашим гостям обрести правильный баланс в жизни. Усвоить тезисы можно только в совершенно спокойной обстановке. Поэтому наш центр и располагается на острове.

Сидевший за Софией мужчина поднял руку.

— Вы представляете какую-то религию?

— Нет, мы, собственно, первая антирелигия.

— Антирелигия? Что это такое?

— Это означает: мы — полная противоположность тому, что вы больше всего ненавидите в религии, — ответил Освальд.

— Я ненавижу то, что в большинстве религий надо молиться Богу, — сказал мужчина.

¹ Бухуслен — одна из западных провинций Швеции.